

Д.А. Андреев*

**ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНАТОР П.Д. АХЛЁСТЫШЕВ
И МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И.Л. ГОРЕМЫКИН:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПО ВОПРОСУ
О ЗЕМСТВЕ В 1896–1897 гг.**

D.A. Andreev

**TVER' GOVERNOR P.D. AKHLESTYSHEV AND MINISTER
OF THE INTERIOR I.L. GOREMYKIN: CONFRONTATION
OVER THE ZEMSTVO IN 1896–1897**

Аннотация. Конфликт тверского губернатора П.Д. Ахлестышева с губернским земством развивался на протяжении всего периода его пребывания на этой должности в 1890-х гг., однако с приходом осенью 1895 г. на пост министра внутренних дел И.Л. Горемыкина он перешел в новую фазу. Министр фактически встал на сторону оппозиционно настроенных земцев, что вынудило Ахлестышева в конце 1897 г. подать в отставку. Позиция, занятая Горемыкиным в этом вопросе, обуславливалась двумя причинами. Во-первых, присущим его управленческой манере законничеством, в результате которого он отказывался расценивать противостояние земцев губернатору как их вызов самодержавному режиму в целом. Во-вторых, интригами внутри МВД, целью которых была дискредитация Ахлестышева. На протяжении почти двух лет, с конца 1895 г., губернатор пытался убедить Горемыкина в правомерности своих претензий к земцам, однако МВД неуклонно усматривало причину нездоровой общественно-политической ситуации в Тверской губернии исключительно в недоработках со стороны ее руководителя. Переписка губернатора и министра в 1896–1897 гг. позволяет проследить развитие напряженности во взаимоотношениях между ними. То, что осталось за пределами этой официальной делопроизводительной документации, может быть восстановлено по переписке губернатора с близким к нему графом С.Д. Шереметевым, с которым Ахлестышев делился подробностями своих взаимоотношений как с местными земцами, так и с министерством. На примере этой истории видно, что развитие политического процесса в Российской империи

* *Андреев Дмитрий Александрович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Andreev Dmitry Aleksandrovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History of the 19th and Early 20th Centuries, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-903-725-94-91; carpenter2005@yandex.ru

в конце XIX в. имело гораздо более сложную природу, нежели противостояние между консерваторами и либералами: среди представителей высшей бюрократии все очевиднее вызревала мысль о необходимости выстраивания конструктивных отношений с земством, несмотря на часто вызывающее поведение последнего, что наглядно прослеживается на примере Тверской губернии. Такая смычка между бюрократами-законниками и либералами задавала тренд, который обрекал охранителей на маргинализацию.

Ключевые слова: земство, Тверская губерния, Министерство внутренних дел, П.Д. Ахлестышев, И.Л. Горемыкин, граф С.Д. Шереметев.

Abstract. Conflict of the Tver' Governor P.D. Akhlestyshv with the provincial zemstvo lasted throughout the entire period of his tenure in this post in the 1890s, however, after I.L. Goremykin was appointed Minister of the Interior in the fall of 1895, it moved into a new phase. The Minister actually sided with the opposition-minded zemstvo, and Akhlestyshv was forced to resign in the late 1897. Goremykin's position in this matter was determined by two reasons: first, by the legalism inherent in the mode of his administration (thus he refused to regard the opposition of the zemstvo to the Governor as a challenge to the entire autocratic regime), and second, by intrigues inside the Ministry of the Interior in order to discredit Akhlestyshv. For almost two years, from the late 1895, the Governor tried to convince Goremykin of the legitimacy of his complaints against the zemstvo, however, judging by the quite negative reaction to Akhlestyshv's reports, it was the Governor himself whom the Ministry blamed for the unhealthy socio-political conditions in the Tver' guberniya. Correspondence of the Governor and Minister in 1896–1897 allows to follow the escalation of tension between them. What remained beyond the scope of this official documentation can be analyzed due to correspondence of the Governor with his confident Count S.D. Sheremetev, with whom Akhlestyshv shared the details of his relationship with the local zemstvo and the Ministry. This story shows that the political process in the Russian Empire in the late 19th century was much more complex than the confrontation between conservatives and liberals. The idea of building constructive relations with the zemstvo, despite the often provocative behavior of the latter, was evidently spreading among the representatives of the highest bureaucracy, as can be clearly seen in the case of the Tver' guberniya. Such a link between legalist bureaucrats and liberals set a trend that doomed the utmost conservatives to marginalization.

Keywords: zemstvo, Tver' guberniya, Ministry of the Interior, P.D. Akhlestyshv, I.L. Goremykin, Count S.D. Sheremetev.

* * *

История губернаторства в Твери Павла Дмитриевича Ахлестышева (1890–1897) представляется исключительно важной для понимания тех перемен, которые наметились в правительственной политике Российской империи в первые годы царствования Николая II. С самого начала у губернатора начались проблемы с местными земцами, отличавшимися радикально либеральными настроени-

ями. После восшествия на престол Николая II этот вялотекущий конфликт стал стремительно обостряться. Достаточно подробная информация о том, как развивались события с этого времени и до отставки Ахлѣстышева с должности тверского губернатора в конце 1897 г., содержится в его письмах к графу С.Д. Шереметеву и в дневнике последнего. Ко времени описываемых событий между ними были близкие и доверительные отношения: Ахлѣстышев обращался к Шереметеву в письмах «любезный друг»¹.

Как следует из этих источников, конфликт между губернатором и земцами имел гораздо более сложную природу, нежели просто мировоззренческие расхождения. Вызывающее поведение таких лидеров земских радикалов, как И.И. Петрункевич, Е.В. де Роберти, О.В. Самарин, А.А. Бакунин и др., в отношении Ахлѣстышева и ориентировавшихся на него земцев (которых губернатор называл «партией благомыслящих людей») было вызвано в том числе тем, что они ощущали поддержку со стороны бывшего председателя тверской губернской земской управы Б.В. Штюмерера, ставшего в 1894 г. новгородским губернатором. Возглавляя управу, Штюмерер пытался выстраивать конструктивные отношения с либеральными земцами². Когда он сравнился по своему статусу с Ахлѣстышевым, радикально настроенные земцы стали воспринимать его как опору в противодействии губернатору и, вероятно, консультировались со Штюмерером относительно конкретных способов отстаивания своих интересов.

Их положение еще более окрепло, когда в октябре 1895 г. И.Л. Горемыкин сменил И.Н. Дурново на посту министра внутренних дел. Новый руководитель МВД имел образ легиста и в своей политике руководствовался сугубо буквой закона. Знаковым для определения нового курса министерства стало назначение товарищем Горемыкина Н.А. Неклюдова, воплощавшего на практике принципы судебной реформы. Этот курс не имел ничего общего со свойственным Ахлѣстышеву восприятием либеральных земцев как силы, враждебной политическим ценностям самодержавия в духе Александра III, — восприятием в принципе правильным, но однозначно и аргументированно не подтверждавшимся на языке права. Поэтому перерас-

¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6448. Л. 4 (первое по времени выявленное такое обращение относится к 1887 г.).

² С.Г. Куликова считает: «Назначение Штюмерера председателем губернской управы стало переломным моментом в работе тверского земства, ставшего управляемым со стороны губернатора» (Куликова С.Г. Консерваторы и земство: планы и результаты деятельности 1864–1914 гг. М., 2019. С. 56). Однако автор не подтверждает это утверждение приводимым далее в монографии материалом.

тание конфликта тверского губернатора с либеральными земцами в его фактический конфликт с новым руководством МВД, которое не хотело лишней раз политизировать и без того непростой вопрос о перспективах земства в России, было неизбежным.

Штюрмер с его опытом руководства губернской управой удачно вписывался в новый курс МВД. Оставаясь в губернских земском и дворянском собраниях, он стал информатором Горемыкина о происходившем в Твери, причем информатором, заведомо настроенным к Ахлестышеву негативно. Именно Штюрмер был в конце 1895 г. закулисным организатором двух практически одновременных мероприятий — губернских земского и дворянского собраний, на которых «либералы» выступили с хорошо подготовленными демаршами против губернатора и его сторонников, а на дворянском собрании сумели к тому же добиться избрания предводителем враждебного Ахлестышеву Н.П. Оленина.

После этих событий Шереметев на аудиенции 20 декабря 1895 г. представил императору произошедшее в Твери как результат интриги, организованной высокопоставленными столичными чиновниками во главе с Горемыкиным, которые подталкивают государя отказаться от курса Александра III и вернуться к политике Александра II. На словах Николай II выразил свою поддержку опасениям графа, однако никаких последствий этот разговор не имел. Между тем сам Ахлестышев в письмах, написанных в конце 1895 — начале 1896 г., пытался убедить Горемыкина в том, что Штюрмер выступает на стороне «либеральной партии», тайно организует ее провокационные выступления и тем самым дестабилизирует обстановку в губернии. Министр не доверял эмоциональным и написанным на совершенно чуждом ему политическом языке посланиям Ахлестышева и игнорировал изложенные в них опасения. В письмах к Шереметеву на протяжении 1896–1897 гг. тверской губернатор жаловался на то, что МВД преднамеренно ведет дело к его дискредитации и устранению с занимаемого поста. После того как летом 1897 г. «либеральная партия» победила на земских выборах, он подал в отставку³.

Таким образом, еще около двух лет после попыток раскрыть глаза Горемыкину на происходившее в губернии Ахлестышев оставался ее начальником. При всей информативности личной переписки,

³ Подробнее см.: *Андреев Д.А.* «Дело» П.Д. Ахлестышева и борьба в правительственных верхах в начале царствования Николая II // *Российская история*. 2020. № 1. С. 37–50. В данной статье разбирается также крайне небольшой круг работ, посвященных губернаторству Ахлестышева; в новом исследовании С.Г. Куликовой рассмотрен лишь начальный его период, относящийся к эпохе Александра III (см.: *Куликова С.Г.* Указ. соч. С. 53–56).

вполне доверительной, она не раскрывает всех нюансов полемики (в форме делопроизводственной переписки), которая шла в 1896–1897 гг. между Тверью и Петербургом. Поэтому важным дополнением к уже проделанной работе⁴ могут стать несколько материалов, датированных как раз этим временем и хранящихся в фонде Шереметевых в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Это письма Ахлѣстышева (одно к Шереметеву и копии трех писем к Горемыкину), копии двух ответов министра внутренних дел тверскому губернатору и копия всеподданнейшего отчета последнего за 1896 г. Как следует из письма Ахлѣстышева к Шереметеву, написанного в начале сентября 1897 г., губернатор, приняв твердое решение подать в отставку, послал графу все эти бумаги, чтобы тот смог из официальных документов увидеть, как Петербург игнорировал кричащие факты с мест об усилении «красной партии». Так эти материалы оказались в личном архиве Шереметева, а затем — в одном из его личных архивных фондов.

Начать рассмотрение указанных документов удобнее всего именно с указанного письма губернатора к графу: оно стало своего рода сопроводительным описанием присланных Шереметеву копий. Ахлѣстышев сообщал другу, что собирается на днях подать в отставку, и обращал внимание адресата прежде всего на копию своего всеподданнейшего отчета за 1896 г. Губернатор подчеркивал, что счел «неудобным» жаловаться в этом отчете государю на Горемыкина и увязывать результаты своей деятельности в Твери с тем, будет ли министр внутренних дел и впредь «продолжать покровительствовать “красной партии”». Одновременно Ахлѣстышев констатировал, что ему удалось создать в губернии «партию благомыслящих людей», причем некоторые ее члены смогли добиться в ряде уездов успеха на недавних земских выборах, однако в губернском собрании они окажутся в меньшинстве, а посему в отчете губернатор воздержался от сколько-либо определенных прогнозов относительно их перспектив, тем более что отдельные представители «благонамеренных» «отказались от борьбы, не видя поддержки».

В данном случае губернатор, очевидно, намекал на поддержку его позиции со стороны Петербурга. Причем он имел в виду даже не Горемыкина: важнейшим местом письма является признание Ахлѣстышева, что он надеялся задавить «красную партию» в подведомственной ему губернии в том числе с помощью императора, который произнесет в адрес Горемыкина свое «мощное слово», и тот незамедлительно поменяет свою позицию по ситуации в Тверской губернии. Но если по поводу так и не раздавшегося с высоты пре-

⁴ См.: Андреев Д.А. Указ. соч.

стола «слова» Ахлѣстышев кратко замечал: «Случилось не так», — то в отношении своего непосредственного начальника он позволил себе гораздо более вольные высказывания.

Во-первых, ссылаясь на копии пересылаемых графу ответов Горемыкина от 8 апреля и 10 июня 1897 г., Ахлѣстышев заключал, что МВД не желало его поддерживать под «недостойными предложениями». Во-вторых, губернатор прямо обвинял министра внутренних дел в том, что тот оказывал «явное покровительство» «красной партии» и ее членам». Так, он дополнил любопытной подробностью рассказанную им Шереметеву год назад историю о причастности бывшего гласного тверского губернского земского собрания Ф.И. Родичева к изданию нелегального памфлета «О царствовании Александра III»⁵. По словам Ахлѣстышева, брошюра была обнаружена сотрудниками Департамента полиции у некоего «мещанина Ефремова», который считался «лицом неблагонадежным». Ефремов признался в том, что эта брошюра у него от Родичева, авторство последнего было доказано в результате предпринятого расследования: «Обнаружено, что рукопись писана собственноручно Родичевым, — и удостоверено экспертами». У бывшего земца был произведен обыск, в результате которого удалось найти другие пропагандистские материалы антиправительственного содержания. Однако, несмотря на все эти улики, в адрес Департамента полиции последовали от министра «самые резкие замечания», «дело» было «замято противозаконно», а крайним был назначен попавшийся Ефремов, получивший три месяца тюремного заключения⁶.

Если отвлечься от темы и вернуться к той кардинальной перемене, которая произошла в МВД с приходом туда Горемыкина и Неклюдова, то «бездействие» правоохранительных структур в случае с брошюрой Родичева становится понятным. Такое «бездействие» явилось наглядным выражением законничества как нового принципа работы МВД. Об этом принципе метко написала в своем дневнике в конце декабря 1895 г. генеральша А.В. Богданович, касаясь истории с Ахлѣстышевым. Она даже назвала Горемыкина человеком «либерального направления», который «тверскую историю» «разберет, исподволь так устроит, что губернатора, если он виноват, не пожалует и поблажки говорунам не даст, если они действовали беззаконно»⁷. То есть Ефремов, чья вина была полностью доказана, был наказан, а

⁵ Имеется в виду нелегальная, изданная на гектографе без титула и обложки брошюра: О царствовании Александра III. СПб.: [Б. и.], 1894. 36 с. (см.: *Андреев Д.А.* Указ. соч. С. 48).

⁶ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 1–2 об.

⁷ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 267. Л. 46 об.

обвинений в адрес Родичева, по-видимому, оказалось недостаточно. Между тем сам Ахлѣстышев видел причины столь мягкого отношения к Родичеву вовсе не в легизме министра, а в намеренном потворстве «красной партии» под предлогом уважительного отношения к «крупному землевладельцу» Родичеву⁸.

Однако непосредственно в самом всеподданнейшем отчете за 1896 г. намерение Ахлѣстышева донести до императора мысль о необходимости промолвить «мощное слово» в поддержку тверского губернатора выглядело гораздо более размытым и невнятным. Утверждая, что население губернии не сомневается во «вредном значении противоправительственной партии» и вследствие этого «благонамеренная партия» имеет шансы победить в некоторых уездах на предстоявших летом 1897 г. земских выборах, Ахлѣстышев тем не менее выражал крайнюю обеспокоенность за исход кампании в тех уездах, где «пустила сильные корни» «противоправительственная партия», в частности, в Новоторжском. Именно в связи с такими своими опасениями губернатор и доводил до сведения государя, что делал Горемыкину «представление», в котором обосновывал необходимость обращения к опыту графа Д.А. Толстого в бытность того главой МВД. Как далее следовало из всеподданнейшего отчета, такой опыт надлежало истолковывать как административное вмешательство в земскую избирательную кампанию. «Устранение от выборов в гласные только нескольких человек, главных вожаков партии, — утверждал Ахлѣстышев, — могло бы, по моему мнению, совершенно изменить характер земских собраний»⁹. В этих довольно обтекаемых формулировках было трудно усмотреть призыв к государю сказать Горемыкину «мощное слово» и тем самым вынудить более активно влиять на местное земство — хотя бы по примеру Толстого.

Что касается официальных писем Ахлѣстышева к Горемыкину, то в них прежде всего обращают на себя внимание изменившиеся смысловые акценты. Если на рубеже 1895–1896 гг. главный пафос посланий губернатора к министру сводился к обличению роли, сыгранной Штурмером в организации декабрьских 1895 г. земского и дворянского собраний, то теперь Ахлѣстышев, докладывая в Петербург, оперировал только фактами, а не предположениями, пусть даже и находившими подтверждения, и не выходил за рамки подконтрольной ему территории¹⁰. Так, в начале декабря 1896 г. он

⁸ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 39 об.–40.

¹⁰ Этот новый подход к общению с Петербургом Ахлѣстышев изложил в письме к Шереметеву в январе 1897 г., имея в виду только что отосланное Горемыкину очередное представление: «Я долго не решался писать об этом, так как вопрос очень

сообщал министру, что в губернии «главным центром деятельности противоправительственной партии» является Новоторжский уезд, где под стать радикалам-гласным не только уездная управа, но даже уездный предводитель дворянства М.В. Всеволожский. Подтверждением тому стала работа уездного земского собрания (в начале октября 1896 г.), в ходе которой звучали ставшие уже привычными «крайне резкие» высказывания по поводу решений губернатора и губернского по земским и городским делам присутствия, а любое указание из МВД, даже разъяснительное, оборачивалось дружным решением земцев о его обжаловании в Сенате.

Судя по приведенному губернатором описанию, дискуссии в новоторжском уездном земском собрании протекали по точно такому же сценарию, как и споры в губернском земстве: либералы выступали напористо, слаженно, поддерживая друг друга и деморализуя оппонентов дружным осмеянием их аргументации или заведомо провокационными выпадами, которые заставляли несогласных с ними оправдываться, а значит — терять инициативу.

Например, решение Ахлестышева о неутверждении библиотекаря в деревне Жерехово с отсылкой к одному из документов Главного управления по делам печати МВД было саркастически прокомментировано гласным де Роберти. Он сравнил этот шаг губернатора с действиями «плохого адвоката» в суде, который для разрешения спора по «договорным отношениям» апеллирует к такому положению закона, которое относится совсем к другому: например, говорит о наказаниях, положенных за неправомерный «прогон скота». Естественно, подобная аналогия вызвала «смех публики» и как результат — соответствующий итог голосования по поводу этого решения Ахлестышева.

Когда гласный-священник возразил против непомерного увеличения сметы для открытия нескольких десятков новых земских школ, аргументируя свою позицию тем, что их «недостаток» компенсируется школами церковноприходскими, гласный Бакунин, точно не услышав доводы оппонента, патетически возразил ему совсем о другом: дескать, «он с единомышленниками подает голос по совести» и «не может одобрить школ без учителей». Это высказывание сорвало аплодисменты, на фоне которых недоуменное замечание священни-

задевает, а затем практических результатов трудно добиться при существующих условиях. *Animam levavi!* (*Dixi et animam levavi*: «Я сказал и облегчил свою душу», *лат.* — Д.А.). А может быть, кем-нибудь и будет обращено внимание!» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6449. Л. 51–51 об.). То есть губернатор стал информировать начальство сугубо о том, о чем, с его точки зрения, уже нельзя было больше умалчивать, хотя бы только ради очищения совести.

ка, что «по совести» голосуют «не одни только сторонники земских школ», а вообще все, попросту не было услышано. Когда же поначалу инициатива «либералов» об увеличении сметы не получила поддержки большинства гласных, братья Иван и Михаил Петрункевичи стали настаивать на повторном голосовании и в итоге продавили нужное им решение.

Так же согласованно «либералы» пытались в пику утвержденному Министерством народного просвещения каталогу книг, предназначенных для народных читален, предложить собственный список авторов, известных своими либеральными и народническими взглядами, а также переведенных на русский язык иностранных книг. Доводы их оппонентов, что в читальнях не имеется и упомянутых в каталоге книг, в очередной раз были проигнорированы представителями «либеральной партии», которые, по словам губернатора, пеклись вовсе не о народном просвещении как таковом, а о возможности с его помощью «пропагандировать свое учение»¹¹.

В заключение Ахлестышев обращался к Горемыкину с просьбой употребить свою министерскую власть и запретить наиболее одиозным, с его точки зрения, представителям «либеральной партии» — братьям Петрункевичам, де Роберти, Бакунину и некоторым другим — участвовать в работе земских собраний, иначе «масса населения», отнюдь не испытывающая симпатий к «либеральной партии» и тяготящаяся ее «господством», «без помощи правительства бессильна в борьбе с нею»¹².

В конце марта 1897 г. Ахлестышев предпринял очередную попытку убедить Горемыкина принять меры в отношении лидеров «либеральной партии» губернского земства. Он направил министру письмо, в котором подробно изложил, как на протяжении двух последних лет представители этой «партии» препятствовали нормальной работе «благонамеренных». Однако при непредвзятом взгляде аргументация, которую приводил Ахлестышев, вполне могла возыметь и обратный эффект — представить усиление «либеральной партии» как закономерный результат административного вмешательства в работу губернского земства еще при министре внутренних дел Дурново.

¹¹ Эту историю об альтернативном министерскому каталогу списке книг Ахлестышев изложил и во всеподданнейшем отчете за 1896 г. (ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 38 об.–39). Отчет каким-то образом стал впоследствии достоянием гласности, и по поводу полемики в новоторжском земском собрании вокруг книжного списка, предложенного либеральными гласными, А.С. Суворин в начале апреля 1898 г. записал в дневнике: «Любопытно, что такие лживые доносы пишет губернатор Ахлестышев. Чего ему надо, дураку?» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London; М., 2000. С. 315). Правда, на тот момент Ахлестышев уже почти полгода как находился в отставке.

¹² ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 21–25 об.

Картина, которую рисовал Ахлѣстышев, получалась фактически следующей. В начале 1895 г. «либералы» предприняли неудачную попытку путем подтасовки при голосовании не допустить избрания председателем губернской управы и ее членами кандидатов от «благонамеренной партии». Губернатор проинформировал о случившемся министра внутренних дел, и тогда Дурново своей волей поставил «благонамеренного» А.С. Паскина во главе управы, а еще двоих его товарищей по этой «партии» сделал членами управы¹³.

Рассказывая об этом новому министру спустя два года после тех событий, Ахлѣстышев ретроспективно признавал, что после подобного административного давления на земство стало понятно: гласные из «противоправительственной партии», определяющие погоду в губернском земском собрании, отныне буду делать всё от них зависящее для дискредитации навязанной им управы. И то, как прошла первая же сессия губернского земского собрания в конце 1895 — начале 1896 г., явилось наглядным свидетельством неприемлемой позиции, занятой гласными-«либералами» в отношении их исполнительного органа. После сессии они продолжили борьбу с губернской управой в уездных собраниях, особенно в Новоторжском, Весьегонском и Старицком, в которых имели наибольшее влияние.

Новый «поход против управы» они предприняли во время последней сессии губернского земского собрания. По словам губернатора, на этой ниве особенно преуспел его давний оппонент И.И. Петрункевич, «один из главных инициаторов всяких историй либерального пошиба». В качестве главы редакционной комиссии он учинял «издевательства над управой», которую называл «не земской, а правительственной», «не нашей управой», а «псевдоуправой». На выражение управой собственной позиции либералы отвечали: «Управа позволяет себе сметь свое суждение иметь».

Противостояние внутри губернского земства достигло апогея при обсуждении вопроса о Бурашевской психиатрической колонии, созданной земством в 1884 г. Ее основатель, а также главный врач М.П. Литвинов, после назначения управы министром внутренних дел Дурново вопреки предпочтениям большинства гласных, покинул свой пост¹⁴. На его место был прислан новый врач, рекомендованный Медицинским департаментом МВД, и земские либералы устроили

¹³ Этот факт приводит С.Г. Куликова (см.: *Куликова С.Г. Указ. соч. С. 56*).

¹⁴ В специальной литературе утверждается, что М.П. Литвинов был отстранен губернской земской управой от выполнения в колонии «хозяйственных функций», в результате чего он и ряд его коллег «оставили службу» (см.: *Зиньковский А.К., Иванов О.П., Троицкий А.А., Куракин В.Б. К 125-летию больницы им. М.П. Литвинова // Социальная и клиническая психиатрия. 2009. Т. XIX. № 4. С. 105–106*).

ему травлю. По словам Ахлѣстышева, «бурашевский эпизод» хотя и способствовал сплочению «благонамеренной партии», но вместе с тем мобилизовал и ее противников, поэтому на летних земских выборах неизбежна «ожесточенная борьба». И именно в видах этой борьбы губернатор в самом конце своего письма говорил Горемыкину, что в сложившейся ситуации необходимы «репрессивные меры» в отношении ряда представителей «либеральной партии»¹⁵.

В начале апреля Горемыкин направил Ахлѣстышеву ответ. Судя по тому, что речь в нем шла исключительно о новоторжском земстве, это был ответ на декабрьское письмо губернатора, а о вопросах, затронутых в его мартовском послании, ничего не говорилось¹⁶. Министр заявлял, что готов пойти на «самые решительные меры» для «прекращения поползновений отдельных лиц» из числа тверских земцев, ратующих за «отклонение земской деятельности от согласного с видами правительства направления», однако только в том случае, если губернатором будут употреблены все обозначенные в законодательстве меры, но при этом никакого результата они не принесут.

Однако, по мнению министра, Ахлѣстышев еще не исчерпал все имевшиеся у него легитимные возможности противодействия земцам. Так, например, Горемыкин указал своему подчиненному, что тот был вправе не утверждать неудобных для него членов новоторжской уездной земской управы и объявить повторные выборы, после которых — в случае снова неблагоприятного результата — напрямую ходатайствовать перед МВД о назначении членами управы «вполне благонадежных» лиц. Министр подчеркивал, что точно так же губернатор мог поступать и в отношении «третьего элемента». Что же касалось обсуждения новоторжским уездным земским собранием вопросов, которые выходили за пределы компетенции местного самоуправления, то и здесь, по мнению Горемыкина, губернатор не использовал в полной мере все имевшиеся в его распоряжении возможности для наведения порядка. В частности, министр указывал Ахлѣстышеву, что тому следовало бы внимательнее работать с председателем земского собрания, который несет ответственность за нарушения закона, допущенные во время его работы, тем более что в практике тверского губернатора уже однажды было употребление подобной меры в отношении Всеволожского, председательствовавшего в новоторжском земском собрании в 1895 г. (Правда, министр тут

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 49–53.

¹⁶ Между тем для самого Ахлѣстышева тема новоторжского земства была на тот момент, по-видимому, наиболее актуальной. 19 апреля, еще не получив послание Горемыкина от 8 апреля, губернатор написал Шереметеву: «Теперь я занят Новоторжским уездом. Расшевеливаю это осиное гнездо» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6449. Л. 63 об.).

же оговаривался, что Всеволожский в итоге избежал «соответственного взыскания» по Манифесту о дарованных в день священного коронования милостях 14 мая 1896 г.). И лишь исчерпав все меры законного характера, подытоживал Горемыкин, «можно было бы возбудить вопрос о принятии мер чрезвычайных»¹⁷.

В конце мая Ахлестышев направил Горемыкину ответ. Он объяснял министру, что не стал отказываться от утверждения членов новоторжской управы, поскольку сам незадолго до того возглавил губернию и еще не располагал фактами, доказывавшими «противоправительственное направление» избранных лиц. Но в следующий раз, обещал Ахлестышев Горемыкину, он не преминет воспользоваться своими полномочиями. Вместе с тем губернатор выражал сомнение в том, что в принципе возможно наладить работу новоторжского земства через утверждение надлежащего в политическом отношении состава управы, так как при господстве в земском собрании представителей «красной партии» «благонамеренная управа будет крайне стеснена в своей деятельности»: ее ждут «издевательства и прямо оскорбления» от враждебно настроенных гласных, а также «со стороны печати, которая теперь почти вся в руках у “красной партии”».

Похоже, губернатор на этот раз стремился все-таки добиться от министра реакции на его рассказ о губернском земстве, о чем он сообщал в Петербург в марте и на что Горемыкин никак не отреагировал в своем апрельском письме в Тверь. Возможно, его ободрили «крайне интересные и утешительные отметки», которые император сделал на его всеподданнейшем отчете и о которых Ахлестышев сообщил Шереметеву в своем майском письме¹⁸. Безусловно, сыграла свою роль и ситуационная конъюнктура: ввиду приближавшихся земских выборов общегубернская политическая повестка представлялась ему гораздо более актуальной, поэтому от положения дел в Торжке губернатор перешел к раскладу в Твери, тем более что казус с новоторжской управой давал удобный повод поговорить в принципе о возможности нормализации работы местного самоуправления путем тщательного подбора кадров для его исполнительных органов.

Ахлестышев снова напомнил Горемыкину о последней сессии губернского земского собрания, которая, по словам губернатора, доказала необходимость незамедлительного «правительственного вмешательства» для «прекращения деятельности вредных агитаторов», так как губернская управа в ходе этой сессии оказалась «в полном смысле беспомощна», а ее председатель «должен был незаслуженно

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 54–56.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6449. Л. 71 об.

выслушать за энергичную и правильную постановку дела всякие оскорбления». Требовать от управы полного контроля за собранием можно лишь тогда, когда в последнем будут преобладать здоровые силы, а не «лица заведомо противоположительственного направления», чего на данный момент в Твери не было. Поэтому пока Ахлѣстышев не видел альтернативы «чрезвычайным мерам» в отношении «некоторых гласных» губернского земства.

Губернатор не упустил возможности тонко поддеть министра, заявив, что о результатах предпринятых им мер в отношении Всеволожского (то есть об амнистии бывшего председателя новоторжского уездного собрания по коронационному манифесту) он узнал только из апрельского письма Горемыкина: соответствующий сенатский указ до сих пор не дошел до Твери. Разумеется, Ахлѣстышев не мог позволить себе в официальном письме к начальнику сетовать по поводу того, что наложенное им взыскание было отменено государем. Однако растянувшееся на многие месяцы делопроизводство по этому делу, равно как и отсутствие сенатского разъяснения об освобождении указанного лица от ответственности коронационным манифестом, позволяли Ахлѣстышеву представить свои настойчивые призывы к главе МВД применить «чрезвычайные меры» как абсолютно правомерные.

К такому выводу подталкивал и еще один аргумент губернатора. Он обращал внимание своего адресата на то, что тот в своем письме в основном касался членов управ и председателей собраний, в то время как очень многое в земстве зависит от гласных, особенно если это «партия гласных антиправительственного направления». Если эта «партия» победит на летних выборах и «останется на следующее трехлетие», то, как утверждал Ахлѣстышев, улучшить состав управ станет совсем сложно.

Финал письма выглядел неожиданным: на этот раз губернатор не призывал министра прибегнуть к «чрезвычайным мерам», но спрашивал у него «разъяснения», какие «репрессивные меры» в отношении таких гласных он мог бы осуществить сам лично¹⁹.

В первой половине июня Ахлѣстышев получил ответ от Горемыкина. Министр не сообщал ничего нового, отметив, что в своем предыдущем послании в Тверь уже перечислил все допустимые способы, которыми «представляется вполне возможным парализовать все последствия вредного направления», которое обнаружилось в новоторжском земстве. Складывалось впечатление, что руководитель МВД упорно не хотел переносить обсуждение земской проблемы на более высокий — губернский — уровень. Более резкой стала и

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 57–60.

тональность Горемыкина: он пенял Ахлѣстышеву, что, если ему не удалось продвинуться в разрешении обсуждаемых проблем, то это исключительно по его собственной вине, по причине того, что губернатор своевременно не ознакомился с персональным составом новоторжского земства²⁰. Что же касалось «чрезвычайных мер» в отношении «некоторых гласных» ввиду ожидавшихся земских выборов, то Горемыкин не видел в них необходимости. Министр признавал, что в Новоторжском уезде отдельные гласные пытаются «затруднять исполнение административных распоряжений», однако при этом соблюдают «законные формы и порядок», и их поступки «лишены какого-либо политического характера». Посему Горемыкин рекомендовал Ахлѣстышеву «ограничиться наблюдением за тем, чтобы упомянутые лица не перешли за установленные законом границы». Если же такое случится, то министр считал, что губернатору придется самому решать — либо «обратиться к содействию судебной власти», либо, если придется иметь дело с «агитацией против существующего государственного строя», руководствоваться «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. и «Положением о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 апреля 1882 г.

Обе практические рекомендации вызвали у Ахлѣстышева крайнее недоумение. В копии министерского письма напротив совета «обратиться к содействию судебной власти» он написал карандашом: «На основании какого закона? Прокурор не примет без указания на статью закона, которая нарушена». Но если еще можно было допустить, что Горемыкин полагал легкодоступным подыскание соответствующей статьи, то апелляция к положениям начала царствования Александра III буквально обескуражила губернатора, и он написал напротив нее также карандашом: «Это усиленная охрана, которой нет в губернии и которая может быть объявлена только по высочайшему повелению!»²¹

²⁰ Правда, впечатление о том, что министр в этом письме позволил себе несколько более резкие интонации, нежели прежде, может быть обманчивым. Примерно в то же самое время Ахлѣстышев поделился с Шереметевым, что с Горемыкиным у него «теперь такие странные отношения»: глава МВД стал «крайне любезен и осторожен». Не исключено, что внимательное отношение министра к губернатору было обусловлено тем, что в это время в Комитете министров обсуждался всеподданнейший отчет Ахлѣстышева за 1896 г. Комитет министров передавал губернатору свои заключения на поступавшие замечания по отчету и оспаривал содержащиеся в нем выводы, однако, как утверждал Ахлѣстышев, приводившиеся его критиками «мотивы так слабы и ничтожны, что легко их совсем разбить» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6449. Л. 72 об.).

²¹ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 61–62.

Недоумение Ахлѣстышева объяснимо: законник Горемыкин не мог не знать, что принятие такого решения выходило далеко за рамки должностной компетенции губернатора. А значит, министр откровенно насмеялся над губернатором. Может быть, это была месть Горемыкина за легко прочитывавшуюся в предыдущем письме Ахлѣстышева иронию по поводу его неведения относительно амнистии Всеволожского. А может быть, министр просто делал преднамеренно плохо скрытый намек на то, что ему надоели препирательства и губернатору следует оставить свой пост.

Как уже говорилось выше, Ахлѣстышев решил уйти в отставку после провала «благонамеренных» кандидатов на земских выборах 1897 г. Спустя несколько месяцев, 14 января 1898 г., на аудиенции он довольно подробно рассказал императору о тех проблемах, которые у него были с МВД. На недоуменный вопрос Николая II, почему же губернатор не сообщил ему об этом, Ахлѣстышев ответил: «Я не смел, ваше величество»²². Скорее всего, бывший губернатор сказал абсолютную правду. Он действительно «не смел» прямо доложить государю об усиливавшихся сложностях в работе с Горемыкиным, но отнюдь не из-за почтительной робости, а по причине гораздо более прозаичной, о которой он сообщал Шереметеву в том же письме от начала сентября 1897 г. Ахлѣстышев тогда сетовал, что на фоне осложнений с министром ему «приходится считаться и с другим долгом — в отношении семьи», а для этого «необходимо устроить свои дела имущественные, которые в очень неблестящем положении», а следовательно, «нужно прожить еще несколько лет и нужно беречь свои силы»²³. В прямом столкновении с Горемыкиным, тем более с привлечением внимания императора к этому конфликту, Ахлѣстышеву грозило потерять всё, а рисковать он не имел права именно из-за семейных и имущественных обстоятельств.

Противостояние Ахлѣстышева и Горемыкина стало первым в царствование Николая II случаем, получившим общественный резонанс, когда фигуры, занимавшие видные места в бюрократической иерархии, придерживались противоположной политической ориентации: с одной стороны — это представления эпохи Александра III, с другой — основания, все явственнее становившиеся приоритетными для модернизовавшегося общества. Этот ценностный раскол внутри политической элиты страны далее лишь усиливался и стал впоследствии одной из главных причин гибели самодержавия.

²² Андреев Д.А. Указ. соч. С. 49–50.

²³ ОР РГБ. Ф. 341. Карт. 3. Д. 20. Л. 2 об.

References

Andreev D.A. “Delo” P.D. Akhlestsyesheva i bor’ba v pravitel’svennykh verkhakh v nachale tsastvovaiya Nikolaya II [P.D. Akhlestsyeshev’s “Case” and the Battle at the Top of Government at the Beginning of the Reign of Nicholas II] // *Rossiyskaya istoriya*. 2020. № 1, p. 37–50.

Kulikova S.G. *Konservatory i zemstvo: plany i rezul’taty deyatelnosti 1864–1914 gg.* [Conservatives and Zemstvo: Plans and Results of the Activity in 1864–1914]. Moscow: Novyy khronograf, 2019. 336 p.

Zin’kovskiy A.K., Ivanov O.P., Troitskiy A.A., Kurakin V.B. *K 125-letiyu bol’nitsy im. M.P. Litvinova* [To the 125th Anniversary of the M.P. Litvinov Hospital] // *Sotsial’naya i klinicheskaya psihiatriya*. 2009. T. XIX. N 4, p. 105–107.

Поступила в редакцию
15 сентября 2019 г.